

УДК 821.112.2(436)
ББК 83.3(4)

Беллетристика из «полу-Азии»: Галиция, Подолия, Буковина в описаниях Карла-Эмиля Францоza

Виктория Валентиновна Мочалова

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Кандидат филологических наук
ORCID: 0000-0002-3429-222X
Центр славяно-иудаики Института славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский пр-кт, 32 А
Тел. (Fax): +7(495)938-00-70
E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2021.5

Аннотация: Цель настоящей статьи – анализ текстов Карла Эмиля Францоza, отражающих в ироническом, комическом ключе особенности существования разных этносов в многоконфессиональном, поликультурном регионе Галиции, Подолии и Буковины периода их вхождения в Габсбургскую империю. Источники исследования – новеллы и этнографические очерки австрийского писателя еврейского происхождения, знатока быта и нравов жителей восточных провинций Австро-Венгерской империи, которые он называл полу-Азией из-за контрастности их культурных полюсов. Анализ показывает, что приверженец идей Просвещения К.Э. Француз критически оценивает традиционные взгляды своих соплеменников, однако объектом его критики выступает и христианское население. Благодаря тому что у Францоza сочетались близость и к еврейской традиции, и к европейской культуре, он смог объемно, без одностороннего пафоса и обвинительной тональности, сохраняя ироническую дистанцию, отобразить поликультурную ситуацию Австро-Венгрии.

Ключевые слова: юмор, ирония, проза Карла-Эмиля Францоza, быт, обряды, нравы, юго-восточный ареал Австро-Венгрии

«Jedes Land hat die Juden, die es verdient»

(«Всякая страна имеет таких евреев,
каких она заслуживает»)

В литературном наследии австрийского писателя, журналиста, переводчика, литературоведа, этнографа и фольклориста еврейского происхождения Карла-Эмиля Францоа (1848–1904)¹ содержатся тексты, в частности новеллы и этнографические очерки, отражающие в юмористическом, ироническом ключе быт и нравы обитателей восточных провинций Австро-Венгерской империи, сложные межэтнические взаимоотношения в этом поликультурном регионе², который исследователь «габсбургского мифа» Клаудио Магрис назвал сердцем Центральной Европы.

Изречение, приведенное в эпитафии, писатель поставил «в основание» своих первых книг, и здесь уже содержится явное указание на некоторую гибридность замысла его текстов, двоякую направленность критической оценки: «И не виноваты польские евреи в том, что они стоят не на одинаковой степени культуры со своими единоверцами в Англии, Германии и Франции. Несомненно, по крайней мере, что вина в этом случае падает не на них одних» [Францоа 1886, III].

Возможно, ключевым словом для интерпретации текстов (разных жанров) Францоа может служить «пограничье»: привлекавшее его внимание соседство и смежные границы разных культур, их взаимодействие, изолированность, отталкивание или притяжение [см. Petra 2007]. Границы между Западом и Востоком, «своим» и «чужим», находившимися при этом в пределах Австро-Венгерской империи, очевидным образом пересекаются в условиях путешествия. Поэтому избранным жанром оказываются путевые очерки, близкие к путеводителям, намечающие ментальные карты, позволяющие читать и время в пространстве, и места встречи, смешения перемещающихся групп людей [см. Schlögel 2003, 372, 292–

¹ См. о нем, в частности: Wininger 1927, 306–307; Humbert 1993; Böhm 1998; список посвященных ему диссертаций см.: Ober 2000, 70.

² В украинской еврейской прессе Францоа назвали «австрийским евреем в украинском интерьере» [Дор 2017], справедливо подчеркнув его тройственную причастность к разным культурам многонационального региона.

293]. Пересекаемые путешественником границы могут пониматься и как соединяющие / разделяющие не только пространство, но и время, эпохи – статичное, как бы остановившееся время условного Востока³ и динамичное время Запада, в котором происходит развитие экономики и культуры.

Карл-Эмиль Француз называл свою родную Галицию, куда его сефардская семья переселилась в XVIII в. из Лотарингии, «полу-Азией⁴» – из-за контрастности ее полюсов и смещения противоположных стихий [Franzos 1876a; Franzos 1895]. Эти контрасты Француз отражает с присущей его взгляду и стилю иронической меткостью:

По-моему, границы между двумя частями света расположены весьма причудливо. Например, пассажир скорого поезда Вена – Яссы дважды проезжает по полуазиатской и дважды – по европейской территории. От Вены до Дзедзицев – это Европа, от Дзедзицев до Снятыня – полу-Азия, от Снятыня до Сучавы – Европа, от Сучавы до Понта или до Урала – полу-Азия, глубокая полу-Азия, где все – трясына... В ней нет ни искусства, ни науки, ни даже чистых платков и умытых лиц [Franzos 1876a, 95].

Метафору путешествия сквозь границы, по городам и местечкам Юго-Востока Габсбургской империи реализуют и позднейшие авторы, вслед за Французом обращавшиеся к галицийской или буковинской теме и предпочитавшие отражать ее в жанре путевых очерков [Roth 1924; Pollack 1984; Dohrn 1991] или «интеллектуального путешественника» [Возняк 2010].

Галицийский очерк, начиная с Францоza, путешествовал по железнодорожной ветке между Львовом и Черновцами, останавливаясь на каждой малюсенькой станции, добирался до самых отдаленных границ, даже до тех мест, о которых говорилось «пропал в Бродах»; он не избегал острого юмора, всегда становился на сторону слабых... использовал чудесный рецепт габсбургской монархии *concordia discors*... и помнил, что «суть Австрии – в ее периферии, а не в центре»; уважал галицийское

³ Ср. впечатления С. Дубнова, посетившего в 1897 г. Львов и пораженного тем, что в узких улочках местного гетто семнадцатый век живет бок о бок с девятнадцатым [Dubnov 2004, 332].

⁴ См.: Sommer 1984. Ср. полемику с этой оценкой в: Гольдшниц 2012, 138.

местечко, которое не предоставляет удобств, но «даже филистера превращает в личность. Способствует эволюции в сторону чуذاковатости» [Czyżewski 2018, 15–16; ср. Roth 2015, 27].

Ироническая интонация присутствует и в художественных текстах Францоza, и в его путевых очерках. Путешествуя по Галицкой железной дороге имени Карла Людвига, соединяющей Запад и Восток, Француз иронически замечает, что решение пустить скорые поезда ночью было весьма благотворным для пассажиров, тем самым избавленных от необходимости видеть безнадежно тоскливые пейзажи с ободранными евреями и грязными крестьянами или какие-нибудь заброшенные дыры со слоняющимися на вокзале нотаблями, несколькими евреями и другими существами, которых скорее трудно наделить званием человека.

Кто поедет по этой ветке днем, тот умрет от скуки, если не от голода, хотя на этой трассе есть несколько ресторанов, но их ни за что не хотелось бы лицезреть: лично я однажды ел в Перемышле самый диковинный в моей жизни телячий шницель. Это был фаршированный шницель: я в нем нашел очень ржавый гвоздь, железное перо и клочок волос. Когда я сунул *сопрога delicti* в нос ресторатору, он с невозмутимым безразличием ответил: «Что вы так кипятитесь? Я что, заставляю вас есть ржавое железо? Ешьте мясо» [Franzos 1876a, 95].

Францозу как создателю «этнографических новелл», мастерски описывающих представителей разных народов [Geiger 1910, 257], было присуще редкое сочетание свойств – глубокое знакомство с разными сегментами пестрой поликультурности региона и соблюдение дистанции (часто иронической) по отношению к описываемой реальности. Эту дистанцированность ощущали и русские читатели переводов Францоza. Например, в рецензиях писалось: «Юмор Францоza властный, суверенный <...>. Француз иронизирует и осмеивает, бичует чужие пороки, порицает чужие слабости. Хотя он родился в той земле, о которой он пишет, он мыслит и чувствует, как чужестранец, как немец, не как галичанин» [Русский еврей 1881, № 31, 1238].

Француз объяснял это свойство совмещением невольной обостренности и вместе с тем беспристрастности своего взгляда, что обеспечивалось обстоятельствами его происхождения и взросления. Он

родился и рос в Чорткове, маленьком городке на юго-востоке империи, и долгие годы проживания здесь, как и многочисленные путешествия, дали ему возможность близко познакомиться с языками, обычаями, предрассудками и особенностями этого многонационального региона, населенного украинцами (русинами), поляками и евреями (последние составляли от 10 до 12% всего населения Галиции, а в городах – и до 50%)⁵.

В еврейской семье Францоza, глава которой был выпускником медицинского факультета Венского университета, разделялись «прогрессивные» идеалы Гаскалы, высоко ценилась немецкая культура, что повлияло и на умонастроение будущего писателя, и на выбор образовательной стратегии. Француз получал частное еврейское образование, но также три года учился в доминиканской монастырской школе в Чорткове. После смерти отца (1858) и переезда семьи в столицу Буковины Черновцы Карл-Эмиль в соответствии с завещанием отца поступает в немецкую «императорско-королевскую» государственную гимназию (1859–1867), в то время единственную в восточном регионе империи немецкую среднюю школу. Она пользовалась высокой репутацией, и для Францоza, считавшегося лучшим учеником в классе и получившего аттестат с отличием, она стала впечатляющим и незабываемым введением в мир немецкой культуры. Представляется существенным, что в годы учения Француз много находился в иноязычном и инациональном окружении – как в католической монастырской школе, так и в черновицкой гимназии. А поступив в 1868 г. в университет Граца, он, судя по его воспоминаниям, не только был там единственным еврейским студентом, но и в самом городе в течение года не встречал евреев. В Венском университете, где Француз учился на юридическом факультете, ситуация выглядела иначе: евреи среди студентов составляли 27,9% [Brugger 2013, 483].

Родной Францозу Чортков⁶, переименованный им в его художественных текстах в Барнов, стал обобщенным образом многих вос-

⁵ Примечательно, что специальный номер независимого украинского культурологического журнала «Ї» посвящен «еврейской вселенной Галиции», см.: Ї 2007.

⁶ Как указывает в энциклопедической статье М. Балабан, к концу XIX в. евреи составляли в Чорткове 61,7% всего населения [Брокгауз, Ефрон 1913, 417–419]. В Чорткове в 1865 г. основал свой двор, став главой чортковской ветви садигорской династии, р. Давид Моше Фридман (1827–1903), сын р. Исроэля Фридмана из Ружина.

точно-галицийских штетлов – Косова, Гусятина, Збаража, Бучача и других: «Барнов был везде там, где присутствовали низкие, плохо оштукатуренные дома с покосившимися деревянными террасами, греко-католический храм с куполом, деревянная, крытая дражкой синагога, вывески на идише и песчаная рыночная площадь, от первого же дождя превращавшаяся в желтую лужу» [Pollack 2017, 121].

Соломон Винингер писал в своем семитомном биографическом словаре об «этнографических» произведениях Францоza: «Никакой другой поэт немецкого языка, кроме Францоza, не выразил поэзию этой полу- или полностью варварской области с такой творческой силой. Рядом с ним меркнут все остальные описатели еврейской народной жизни» [Wininger 1927, 307].

Сторонник Просвещения, Француз критически относится к «отсталости» традиционного еврейства, при этом его критицизм и ироническая оценка распространяются и на другие, в том числе доминирующие, национальные группы региона. Избранный язык описания обеспечивает ироническую дистанцию повествователя по отношению к изображаемому, к его контрастным полюсам – еврейскому и христианскому, как и к взаимоотношениям этих сторон.

Замысел автора, о котором он пишет в предисловиях к изданиям своих «рассказов из подольского гетто», – представить «жизнь польско-еврейской общины в ее главнейших проявлениях». Стремясь к «художественности» изображения, но не «в ущерб правде», т.е. пытаясь художественно изображать правду, автор обращается к «западному читателю» [Француз 1886, II–IV], при этом беллетрист совмещается с этнографом, внешняя точка зрения – с внутренней. В высказываниях Францоza звучит его осознание своего творчества как долга, миссии: «Мне пришлось так же исполнить свой долг перед маленькой еврейской общиной, как и перед большой немецкой» (Ich musste in der kleinen jüdischen Gemeinschaft ebenso meine Pflicht tun wie in der großen deutschen). Русско-еврейский еженедельник отмечает «горячий еврейский патриотизм как одну из самых симпатичных для нас черт Францоza», цитируя его письмо в редакцию: «Я постоянно и неуклонно стараюсь в границах моих слабых сил делать все для пользы и блага моих дорогих единоверцев, и если, несмотря на все мои старания, я мало еще принес им пользы, то поверьте, что причина не во мне,

а во внешних условиях и в недостаточности сил человеческих вообще» [Русский еврей 1881, № 33, 1311].

Принадлежа – по происхождению и образованию – к двум мирам, будучи одинаково к ним обоим причастным, Француз часто описывает один мир сквозь призму другого [ср. Ludewig 2008]. Об этом приеме иногда свидетельствуют и гибридные названия его повестей: «Шейлок из Барнова», «Шиллер в Барнове», «Два Спасителя», «Эстерка Регина», «Барон Шмуль», – вошедших в современный Французский переводной сборник его произведений [Француз 1886]⁷.

Повествование Францоza часто гибридно: в нем совмещается внешняя (христианская) и внутренняя (еврейская) точки зрения, как, например, в повести «Лики Христа», где иронически отображается аристократический польский персонаж, не склонный к рефлексии и озабоченный лишь гастрономической составляющей жизни, но при этом преисполненный ксенофобских настроений:

Он поехал домой, вопреки своему обыкновению погруженный в глубокие думы <...> В летописи семьи Старских надо было занести сегодня неслыханное до тех пор событие: благородная отрасль этого дома дурно пообедала и весь вечер была погружена в глубокую задумчивость. Эти «глубокие думы» были вызваны его изумлением, что его избранница каким-то невероятным образом связана с евреем [Француз 1886, 200–201].

В повести «Два Спасителя» иронически прославлен благосклонный по отношению к евреям персонаж (управляющий), основным достоинством которого оказывается его склонность к пьянству:

Управляющий Стефан Грудза был таким, лучше которого евреи и желать не могут. Правда, он был пьян с утра до вечера, но в пьяном виде он был весел, а когда он был весел, то не желал огорчать и печалить других людей. Но однажды за столом он уж особенно сильно развеселился, и после обеда его хватил удар [Француз 1886, 231].

⁷ Далее в тексте цитаты приводятся по этому изданию. Следует отметить, что к русскому читателю переводы Францоza поступали своевременно, не отставая от немецких публикаций или даже опережая их, как это произошло с его законченным в 1893 г. и вышедшим в русском переводе в 1895 г. романом «Паяц», в то время как немецкий оригинал был опубликован уже после смерти писателя.

В повести «Без надписи» иронически описан «гуманизм» польских воевод и старост и порожденное им преследование евреев. Исторические события представлены у Францоza в иронических тонах:

...какие последствия проистекают иногда оттого, что два польских магната в одно и то же время желают быть гуманными? На четырехстах надгробных камнях обозначен один и тот же час; да, один и тот же год, один и тот же день, один и тот же час... И все это благодаря одновременному припадку гуманности! После падения польской королевской власти, охранявшей евреев, превращения ее в «жалкий призрак, который не мог ни жить, ни умереть», воеводы и старосты стали присваивать себе защиту евреев, ибо эти люди были воодушевлены горячей любовью к человечеству. В Барнове была значительная и богатая община, поэтому было великою заслугою пред Богом оказывать защиту столь многим и притом богатым людям. И вот двое старост, староста тлустский и староста старо-барновский одновременно приблизились к городу и одновременно заявили представителям его: «Или я буду вашим защитником, или же истреблю вас до единого!» Несчастные евреи оказались в положении, которое не допускало долгого размышления: они в тот же день глубоко залезли в свои карманы и обеспечили себе защиту обоих старост. Но именно это повело их к гибели. И тот и другой староста были истинные друзья человечества, и каждый из них серьезно смотрел на принятую им на себя обязанность. Но ни один из них не доверял другому, и оба хотели испытать друг друга. Поэтому староста старо-барновский стал убивать и грабить в одном конце города, чтобы убедиться, исполнит ли его соперник свою обязанность и станет ли защищать евреев. Но к несчастью, этот соперник предпринял тот же самый опыт в другом конце, и вследствие этого несчастного стечения обстоятельств ни один из двоих не достиг своей цели. Добрые люди редко достигают того, к чему стремятся. И три дня, и три ночи продолжались эти страшные неистовства [Француз 1886, 242–243].

Общая дата смерти отмечена на могилах еврейских жертв помещичьего насилия, и этот факт писатель отражает без слезливости, обвинительного пафоса, при этом его ирония весьма красноречива: «И в других местах есть много могил, на которых начертан один и тот же год смерти. Так, например, того времени, когда Чартгорыйский охотился на евреев, потому что мало было в лесах другой дичи» [Там же, 244].

Приверженность требованиям еврейской традиции, часто отображаемая в комических тонах, – постоянный объект нападок Францо́за. Так, в повести «Без надписи» писатель рассуждает о защитной функции еврейской религии в прежние времена, но во времена расцвета Просвещения безусловное следование всем давним религиозным предписаниям представляется ему и анахроничным, и негуманным:

Чистая, непоколебимая вера евреев служила некогда для их бедной головы защитой от неприятельских ударов палками и топорами. Эта голова разбилась бы без такого прикрытия, потому что то были страшные удары. Но именно вследствие этого все ниже и ниже нахлобучивалась на их лицо эта своеобразная шляпа и наконец закрыла глаза так, что они перестали видеть. В былое время об этом не стоило скорбеть, потому что нечего было видеть даже при отсутствии шляпы на глазах. Но вот на западе рассвело; светает и на востоке, а они все еще не поднимают шляпы повыше. Совсем снять ее незачем, а кинуть ее было бы крайне вредно, но не менее вредно и закрывать ею совершенно глаза [Францоз 1886, 251].

В этом рассказе община отвергает вернувшегося из армии старого отставного солдата, потому что в армии он долго ел христианскую пищу и непристойно ругался. Он же не был виноват, ибо «с тех пор, как Маккавеи ушли на вечный покой, нет на свете такой армии, в которой клецки приготавливались бы под надзором раввина, а что касается ругательств, то они в старом солдате так же естественны, как на ветвях дуба желуди». Нищий солдат голодал так, что даже пост в Йом Киппур не представлял для него ничего привлекательного, даже «не имел интереса новизны». И когда старика поймали в этот день с куском колбасы в руке, это страшное преступление дополнило и даже превысило весь груз его преступлений, так что «если бы судьба была милосердна, она послала бы ему смерть в ту самую минуту <...>. Но судьба редко бывает милосердна – он прожил еще долго». И потому на его мацеве в наказание не сделали надписи, но автор полагает, что «это обстоятельство мучит мертвого далеко не так, как его терзало то, что делали с ним при жизни» [Францоз 1886, 244–247].

Мотив нужды, этого единственного, как пишет Францоз, божества, в которое можно верить, никогда не впадая в сомнение или

отчаяние, в частности нужды и тягостной жизни украинского крестьянства, представлен в рассказе «Народный суд», персонажи которого, русинские крестьяне, ежедневно лакомились водкой, но весьма редко – мясом. Из-за крайней нищеты «русинский крестьянин мог без труда придерживаться суровых требований поста, предписываемых попом: будешь поститься сорок дней перед Пасхой, сорок дней перед Рождеством, четырнадцать дней перед Петром и Павлом, четырнадцать дней перед Вознесением Девы Марии, кроме того, каждую среду и каждую пятницу – весь год, а если хочешь особенно понравиться Богу, то ты должен поститься и каждый понедельник. К самым важным “продуктам питания” относилась горилка; даже самый бедный мужичонка почитал чуть ли не за дело чести серьезное подпитие в течение недели» [Pollack 2017, 58].

Ирония по отношению к еврейским представлениям о грехе присутствует и во включенной в этот же рассказ истории искателя истины – сапожника Хаима Липпинера, который был склонен к философии, как обычно бывает с людьми этой профессии «вследствие сидячей жизни». За пределы сомнения, этой основной почвы всякого исследования, он, собственно, никогда не выходил, и любимым его изречением было: «Кто знает истину?». Спекулятивным путем маленький бледный человечек справиться с этим вопросом не мог и потому пытался разрешить его эмпирически. Он переходил из одной секты в другую, из «хасидов»-мечтателей – в «миснагеды», т.е. в ряды их противников, потом снова делался хасидом, входил в сношения с караимами, становился под знамя чудотворного раввина из Садагоры, продержался целый год в кругу «ашкеназов» – приверженцев немецкого образования, и, наконец, обратился в каббалиста. Каббалистом оставался он долго, и так как, несмотря на это, изготовлявшие им сапоги вели себя разумно и прочно, то никто не обращал особенного внимания на его уединенные ночные занятия и глубокомысленные мистические речи. Пока однажды он не был обнаружен произносящим перед распятием молитву на священном языке, которую следует произносить путнику, когда он видит восходящее солнце. За это преступление следует наказание (сапожника избивают) и приговор: «Оставить жену и детей и отправиться в Иерусалим и никогда больше не возвратиться оттуда;

по дороге же рассказывать каждой общине о своем преступлении и просить людей, чтобы они топтали его ногами и плевали ему в лицо. Это приятное путешествие, однако, не состоялось. Бедный сапожник стал с этого дня таять, как снег от солнца». Но и перед смертью он не теряет своей пытливости и стремления найти истину. Он спрашивает рассказчика, правда ли, что и у христиан есть Священное Писание, и просит достать ему эту книгу [Француз 1886, 248–250].

Сюжетообразующим в новелле «Шейлок из Барнова» [Franzos 1876b, 3–43] из сборника «Евреи Барнова» является мотив непреодолимо конфликтных отношений между христианским и еврейским населением. Дочь богатого Моисея Фройдентала, Эстер, воспитывалась в соответствии со «старыми, давно установившимися обычаями – ее учили стряпать, молиться и считать. Этих знаний было достаточно для дома, для неба и для жизни» [Franzos 1876b, 16]. Подобно дочери Шейлока из «Венецианского купца», Эстер убегает из отцовского дома с христианином, капитаном Вюртембергских гусар графом Гезой Сапани, и следует за ним в гарнизон Марбурга. Когда же она наскучила графу и возвратилась к отцу, тот не прощает ее и не впускает в дом, и она умирает у ворот от голода. Неизвестно, стала ли она христианкой, но ее хоронят в месте, отведенном для самоубийц. «Русский еврей» писал об этом рассказе: «Юмор гармонично соединен с серьезностью или приятно контрастирует с трагичностью материала; дает тем народам, культуру которых он выбрал своей темой, зеркало, показывающее им их образ в его действительном виде, а не в том, каким разрисовывает его национальная гордость и племенное самомнение» [Русский еврей 1881, № 33, 1309].

Автор иронически отражает и еврейскую традицию преувеличенных восхвалений покойных на мацевах: читающие надгробные надписи на еврейском кладбище уже не будут искать Эдем, где живут ангелы в человеческом облике, в том случае, если будут верить этим надписям [Француз 1886, 245].

В рассказе «Шиллер в Барнове» не только иронически представлена центральная тема Францоza – о противостоянии еврейских сторонников Просвещения и защитников традиционного уклада («Господи боже мой! Какие, однако, трагикомические явления

порождает та борьба, которая именно теперь началась на востоке – борьба между национальным еврейством и культурой!» [Француз 1886, 316]⁸, но и осмеивается безграмотность христианского населения:

Всего пять экземпляров – и в подлиннике, и в польском переводе – наберется у нас в городке. Само собой разумеется, что в единственной библиотеке – доминиканской – ни одного. Но на это существуют основательные причины. Во-первых, Шиллер был не католик. Во-вторых, как известно, «Разбойники» – очень безнравственное произведение. В-третьих, не имеется хорошего польского перевода. И в-четвертых, большинство обитателей монастыря не умеет читать [Француз 1886, 307].

Описание причин, по которым польские читатели могли обратиться к сочинениям Шиллера, само по себе содержит впечатляющий комический эффект. Например, граф Александр Родзицкий выписал их из Тарнополя, поскольку интересовавшая его дама пожелала, чтобы он любил ее точь-в-точь как Шиллер любил Лауру – ни на капельку больше или меньше. Дама действительно интересовала его, и он повторял: «Или она выйдет за меня, или я застрелюсь», и говорил это не только другим, но и единственному человеку, перед которым он не лгал – самому себе. Ибо он был до такой степени разорен, что и запонки в рубашке не мог считать своими, и потому любил приданое графини так безумно страстно, что в «Истории знаменитых влюбленных» вряд ли можно найти нечто подобное. Личность самой избранницы графа, как и возвышенность их отношений, описаны с язвительной иронией: Ванда находилась уже в почтенных летах, а за последние пять лет «приобрела пять маленьких невзгод с пятью большими гусарскими офицерами, но эти “невзгоды” воспитывались в Лемберге, офицеры находились Бог весть где, притом же, когда благородное сердце любит искренне, оно не обращает внимания на подобные несовершеннолетние мелочи». В результате Ванда вручает графу «свою руку и приданое; приданое он пустил дальше, рука осталась при нем», а судьба томов Шиллера оказывается печальной: они «медленно гниют ря-

⁸ Ср.: Golec 2013, 393–394.

дом с “Казановой”, которого граф тоже перестал читать. Эти мемуары находит он в настоящее время чересчур добродетельно-скучными» [Француз 1886, 310].

Живительное влияние немецкой культуры на жителей восточных окраин Австро-Венгрии – один из лейтмотивов текстов Францоza: «Между Страсбургом и Черновцами проходят сотни километров, здесь живет много народов, разделяемых пограничными заставами», но сквозь эти заставы мощно вливается немецкий дух, дух самоотверженного труда в интересах культуры и человечества [Franzoz 1889, 387]. Для троих персонажей рассказа «Шиллер в Барнове» – доминиканского монаха Франца Липецкого, русина Василя Войчука и барновского еврея Израиля Мейзельса, относящихся к разным этническим группам, живших во тьме и стремившихся к свету, пребывавших в пустыне и жаждавших свежего источника, – сборник стихотворений Шиллера и становится источником света. В конце рассказа они совместно исполняют «Оду к радости» с ее символическими словами «Deine Zauber binden wieder, / Was die Mode streng geteilt, / Alle Menschen werden Brüder, / Wo Dein sanfter Flügel weilt»⁹, становясь из враждебно настроенных по отношению друг к другу – братьями, тем самым не только обогащаясь ценностями Просвещения, но и преодолевая барьеры национальной нетерпимости [Француз 1886, 322–323].

В текстах Францоza, в частности в рассказе «Из-за яйца» (о распаде близкой дружбы из-за пустяка), ощутимо влияние Гоголя, которого Француз переводил: он обработал «Ревизора» для немецкой сцены, его перу принадлежит очерк «Мертвые души». Еще более существенным представляется то, что главным героем у Францоza, как и у Гоголя, выступает смех. Отметим, что у Францоza имеет место не тотальное осмеяние, но есть место и для описания величия духа, силы чувств, глубины личности.

Редкое сочетание близости и к еврейской традиции, и к европейской культуре позволило писателю выпукло, объемно, без одностороннего пафоса и обвинительной тональности, сохраняя ирониче-

⁹ Ты сближаешь без усилия
Всех разрозненных враждой,
Там, где ты раскинешь крылья,
Люди – братья меж собой (пер. И. Миримского).

скую дистанцию, отобразить поликультурную ситуацию Австро-Венгрии. К богатой палитре галицийской литературы [ср. Kaszyński 1987; Dohrn 1991, 6] Француз добавил свои яркие краски, не меркнущие со временем, о чем свидетельствуют его многочисленные переводы и переиздания.

Литература и источники

- Брокгауз, Ефрон 1913 – Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб.: Общество для научных еврейских изданий и издательство Брокгауз – Ефрон, 1913. Т. 15. 959 с.
- Возняк 2010 – *Возняк Т.* Штетли Галичини [украинский]. Львов: Библиотека журнала «Ї», 2010. 442 с.
- Гольдшниц 2012 – *Гольдшниц Д.* Блеск и нищета Каканских плюральностей // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 136–139.
- Дор 2017 – *Дор М.* Француз. Возвращение в Чортков, или австрийский еврей в украинском интерьере // Хадашот. 2017. № 6 (241). Электронный ресурс: <http://archive.hadashot.kiev.ua/content/v-chortkove-otkryli-pamyatnik-zemlyakupisatelyu-evreyu-karlu-emilyu-francozu>
- Русский еврей 1881 – Русский еврей: еженедельное издание. СПб., 1881.
- Француз 1886 – *Француз К.Э.* Повести и рассказы / Пер. под ред. П. Вейнберга. СПб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1886. 323 с.
- Böhm 1998 – Karl Emil Franzos (1848–1904): Der Dichter Galiziens. Zum 150. Geburtstag / Hrsg. v. H. Böhm et al. Wien: Wienkultur, 1998. 72 S.
- Brugger 2013 – Geschichte der Juden in Österreich / Hrsg. v. E. Brugger et al. Wien: C. Ueberreuter, 2013. 679 S.
- Czyżewski 2018 – *Czyżewski K.* Wstęp // Joseph Roth. Listy z Polski / Przeł. M. Łukasiewicz. Kraków; Budapest; Syrakuzy: Austeria, 2018. S. 7–23.
- Dohrn 1991 – *Dohrn V.* Reise nach Galizien. Grenzlandschaften des alten Europa. Frankfurt/M: Fischer, 1991. 191 S.
- Dubnov 2004 – *Dubnov S.* Buch des Lebens. Erinnerungen und Gedanken. Bd I: 1860–1903. Leipzig: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 537 S.
- Franzos 1876a – *Franzos K.E.* Aus Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrußland und Rumänien. 2. B. Leipzig: Duncker & Humblot, 1876. 666 S.
- Franzos 1876b – *Franzos K.E.* Die Juden von Barnow. Leipzig: Duncker & Humblot, 1876. 262 S.
- Franzos 1895 – *Franzos K.E.* Vom Don zur Donau. Neue Culturbilder aus Halb-Asien. Land und Leute des östlichen Europa. 2 Bände. Berlin: Berlin Concordia Deutsche Verlags-Anstalt, 1895. 371 S.

- Geiger 1910 – *Geiger L.* Die deutsche Literatur und die Juden. Berlin: Verlag Georg Reimer, 1910. 95 S.
- Golec 2009 – *Golec J.* Völker- und Kulturnachbarschaft im Galizien Karl Emil Franzos' // *Golec J.* Jüdische Identitätssuche. Studien zur Literatur im 19. und 20. Jahrhundert. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. S. 27–38.
- Golec 2013 – *Golec J.* Orte und Nichtorte in Karl Emil Franzos' Halb-Asien' // *Кварталник Neofilologiczny.* 2013. LX. 4. S. 387–395.
- Humbert 1993 – *Humbert G.* Karl Emil Franzos (1848–1904). Peintre des confins orientaux de l'empire des Habsbourg. Maison des Sciences de l'Homme de Strasbourg. Band 13. Presses Universitaires, Strasbourg, 1993. 124 p.
- Ї 2007 – Незалежний культурологічний часопис Ї. 2007, № 48: Гебрейський усе-світ Галичини. 451с.
- Kaszyński 1987 – Galizien: Eine literarische Heimat / Hrsg. v. S.H. Kaszyński. Poznań: Studia Germanica Posnaniensia. 19, 1987. 245 S.
- Ludewig 2008 – *Ludewig A.-D.* Zwischen Czernowitz und Berlin. Deutsch-jüdische Identitätskonstruktionen im Leben und Werk von Karl Emil Franzos. Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2008. 346 S.
- Ober 2000 – *Ober K.H.* Nathan Samuely: A Forgotten Writer in a Neglected Genre // *Shofar.* 2000. Vol. 18. № 2. P. 70.
- Pazi 1987 – *Pazi M.* Der Gefühlspluralismus im Werk Karl Emil Franzos // Galizien: Eine literarische Heimat / Red. S.H. Kaszyński. Poznań: Studia Germanica Posnaniensia. 19. 1987. S. 77–113.
- Petra 2007 – *Petra E.* (Hrsg.). Karl Emil Franzos. Schriftsteller zwischen den Kulturen. Innsbruck; Wien; Bozen: Studien-Verlag, 2007. 152 S.
- Pollack 1984 – *Pollack M.* Nach Galizien – von Chassiden, Huzulen, Polen und Ruthenern. Eine imaginäre Reise durch die verschwundene Welt Ostgaliziens und der Bukowina. Wien: C. Brandstätter, 1984. 208 S.
- Pollack 2017 – *Pollack M.* Po Galičiji. O chasydach, Huculach, Polakach i Rusinach. Imaginacyjna podróż po Galičiji Wschodniej i Bukowinie, czyli wyprawa w świat, którego nie ma / Przeł. A. Kopacki, pośl. C. Magris / Przeł. J. Ugniewska-Dobrzanska. Wolowice: Wydawnictwo Czarne, 2017. 251 s.
- Roshwald 1972 – *Roshwald M.* (Wyszynski M.M.). The Shtetl // The Works of Karl Emil Franzos, Sholom Aleichem and Shmuel Yosef Agnon. Ph.D. diss, University of Michigan, Ann Arbor, 1972. 295 p.
- Roth 1924 – *Roth J.* Reise durch Galizien // Roth J. Werke. Das journalistische Werk: 1924–1928. Köln: Kiepenheuer und Witsch, 1990. Bd 2. S. 281–292.
- Roth 2015 – *Roth J.* Krypta kapucynów / Przel. J. Wittlin. Kraków; Budapest: Austriaria, 2015. 189 s.
- Schlögel 2003 – *Schlögel K.* Im Raume lesen wir die Zeit. Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München Wien: Carl Hanser, 2003. 568 S.
- Sommer 1984 – *Sommer F.* «Halb-Asien»: German Nationalism and the Eastern European Works of Emil Franzos. Stuttgart: H.-D. Heinz, 1984. 198 p.

Steiner 1990 – *Steiner C.* Karl Emil Franzos, 1848–1904: Emancipator and Assimilationist. New York: Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1990. 230 p.

Wininger 1927 – *Wininger S.* Große jüdische National-Biographie. Cernăuți: Arta, 1927. Band 2. 635 S.

Fiction from “Semi-Asia”:

Galicia, Podolia, Bukovina in Karl-Emil Franzos’ Texts

Victoria Mochalova

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Ph.D. Philology

ID ORCID: 0000-0002-3429-222X

Center Judea-Slavic Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
119991, Moscow, Leninsky Av., 32-A

Tel.: +7 (495) 938-17-80, Fax: +7 (495) 938-00-96

E-mail: vicmoc@gmail.com

Summary: The purpose of this article is to analyze the texts of Karl Emil Franzos, reflecting in an ironic, comic way the peculiarities of the existence of different ethnic groups in the multi-confessional, multicultural region of Galicia, Podolia and Bukovina during their entry into the Habsburg Empire. The sources of the research are short stories and ethnographic sketches of an Austrian writer of Jewish origin, an expert on the way of life and customs of the inhabitants of the eastern provinces of the Austro-Hungarian Empire, which he called semi-Asia due to the contrast of their cultural poles. Analysis shows that an adherent of the ideas of the Enlightenment, K.E. Franzos is critical toward the traditional views of his fellow Jews, but the target of his criticism is also the Christian population. Due to the fact that Franzos combined closeness to both Jewish tradition and European culture, he was able to depict the multicultural situation of Austria-Hungary volumetric, without one-sided pathos and accusatory tonality, while maintaining an ironic distance.

Keywords: *humor and irony, prose of Karl-Emil Franzos, everyday life, rituals and customs of the inhabitants of the southeastern area of Austria-Hungary*

References

- Böhm, H., ed., 1998, *Karl Emil Franzos (1848–1904): Der Dichter Galiziens*. Zum 150. Geburtstag [The poet of Galicia. For the 150th birthday], ed. H. Bohm et al. Wien, Wienkultur, 72.
- Brugger, E., ed., 2013, *Geschichte der Juden in Österreich* [History of the Jews in Austria]. Wien, C. Ueberreuter, 679.
- Czyżewski, K., 2018, *Wstęp, Joseph Roth. Listy z Polski* [Introduction, Joseph Roth. Letters from Poland], 7–23. Kraków, Budapest, Syrakuzy, Austeria, 136.
- Dohn, V., 1991, *Reise nach Galizien. Grenzlandschaften des alten Europa* [Trip to Galicia. Border landscapes of old Europe]. Frankfurt/M, Fischer, 191.
- Goldschnig, D., 2012, *Blesk i nischeta Kakanskich pluralnostej* [Splendor and poverty of Kakanian pluralities]. *Voprosy filosofii*, 2012, 2, 136–139.
- Golec, J., 2009, *Jüdische Identitätssuche. Studien zur Literatur im 19. und 20. Jahrhundert* [Jewish identity search. Studies of literature in the 19th and 20th centuries]. Lublin, UMCS, 163.
- Golec, J., 2013, *Orte und Nichtorte in Karl Emil Franzos „Halb-Asien“* [Places and non-places in Karl Emil Franzos „half-Asia“]. *Kwartalnik Neofilologiczny*, 60, 4, 387–395.
- Humbert, G., 1993, *Karl Emil Franzos (1848–1904). Peintre des confins orientaux de l’empire des Habsbourg* [Painter of the eastern confines of the Habsburg Empire]. Strasbourg, Presses Universitaires, 124.
- Kaszyński, S.H., ed., 1987, *Galizien: Eine literarische Heimat* [Galicia: a literary homeland]. Poznań, Studia Germanica Posnaniensia, 19, 254.
- Ludewig, A.-D., 2008, *Zwischen Czernowitz und Berlin. Deutsch-jüdische Identitätskonstruktionen im Leben und Werk von Karl Emil Franzos* [Between Chernivtsi and Berlin. German-Jewish identity constructions in the life and work of Karl Emil Franzos]. Hildesheim, Zürich, New York, Georg Olms Verlag, 346.
- Ober, K.H., 2000, Nathan Samuely: A Forgotten Writer in a Neglected Genre. *Shofar*, vol. 18, 2, 70.
- Pazi, M., 1987, Der Gefühlspluralismus im Werk Karl Emil Franzos [The pluralism of feeling in the work of Karl Emil Franzos]. *Galizien: Eine literarische Heimat* [Galicia: a literary homeland], ed. by S.H. Kaszyński, 77–113. Poznań, Studia Germanica Posnaniensia, 19, 254.
- Petra, E., ed., 2007, *Karl Emil Franzos. Schriftsteller zwischen den Kulturen* [Karl Emil Franzos. Writer between cultures]. Innsbruck, Wien, Bozen, Studien-Verlag, 152.
- Pollack, M., 1984, *Nach Galizien – von Chassiden, Huzulen, Polen und Ruthenern* [To Galicia – of the Hasids, Hutsuls, Poles and Ruthenians]. Wien, C. Brandstätter, 208.
- Pollack, M., 2017, *Po Galicji. O chasydach, Huculach, Polakach i Rusinach* [To Galicia – of the Hasids, Hutsuls, Poles and Ruthenians]. Wolowiec, Wydawnictwo Czarne, 251.

- Roshwald, M., 1972, *The Shtetl in the Works of Karl Emil Franzos, Sholom Aleichem and Shmuel Yosef Agnon*. Ph.D. diss. University of Michigan, Ann Arbor, 295.
- Schlögel, K., 2003, *Im Raume lesen wir die Zeit. Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik* [We read the time in space. About the history of civilization and geopolitics]. München, Wien, Carl Hanser, 568.
- Sommer, F., 1984, „*Halb-Asien*“: *German Nationalism and the Eastern European Works of Emil Franzos*. Stuttgart, H.-D. Heinz, 198.
- Steiner, C., 1990, *Karl Emil Franzos, 1848–1904: Emancipator and Assimilationist*. New York, Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 230.